

Ариадна
ЭЙЗЕНХАРТ
г. Санкт-Петербург

Воспоминания о Рыбачьем

Мы с дедушкой часто гуляли по безлюдному побережью Рыбачьего полуострова. От Городецкого до Немецкого мыса мы изъездили дорогу вдоль и поперёк на еле дышащем ЗИЛе с открытым кузовом, иногда при этом перевоза овец, сено и рыбу, конечно. Но главным в этих поездках было море. Дедушка пел песни, где не знал и половины слов, а потом кто-то из нас командовал «Стоп!». И мы выходили на берег Баренцева моря. Пугающий и прекрасный.

Волны с шипением подбирались к нашим ногам, кланялись и отплывали обратно. Море вбирало в себя мелкие камушки и ракушки, которые тут же принимались перешёптываться, стукаясь друг о друга. Волны и камни звали меня с собой. Дед чувствовал то же самое и объяснял это так:

— Они зазывают нас в самую пучину, обрекая людей вечно тянуться к этой морской тайне.

Я любила собирать камни. Каким бы ни был берег на месте остановки, над ним всегда кру-

жили крупные белые чайки, и я высматривала морские сокровища под каждой новой волной, что накатывала на крупные валуны, слоистые скалы или белый хрустящий песок. Дома зачастую они оказывались серыми и невзрачными, потому что их нельзя было отрывать от моря. А я всё равно не прекращала их собирать.

Помню, как-то после шторма, когда казалось, что океан вот-вот поглотит наш маленький почти что остров, я набрала полные ладони разноцветных галечников и пемзы. И только собралась высыпать их в карман-кенгуру, как дед крепко сжал мои запястья.

— Самые красивые из них верни морю.

Он чуть стиснул мои детские руки своими крепкими мозолистыми и тут же отпустил. Я выбрала несколько невзрачных камней, с которыми было не так жалко расстаться, и замахнулась, чтобы забросить их подальше. И снова дед задержал моё движение, перехватив поднятую руку.

— Выбери самые красивые.

Я с непониманием оглянулась на него. Зачем тогда вообще их собирать, если домой снова понесу набор одинаковых серых камней?

– Ты берёшь у моря его дары, – сказал дедушка. – Оно позволяет тебе это делать.

Дед замолчал, а его слова поднялись к вершинам почти чёрных скал, словно сложенных из каменных пластов разных оттенков и стиснутых природой навсегда. Потом дедушка перевёл взгляд на низкое северное небо и ещё несколько минут выискивал в облаках и их беспокойном отражении слова, пока его эхо улетало в безбрежную даль. А я в это время пыталась различить неуловимую границу тучного грязно-белого неба с таким же морем.

– Если ты решила что-то вернуть, то возвращай самое лучшее. Так ты покажешь морю своё уважение.

Тогда слова дедушки не были мне понятны и совершенно не убедили в его правоте. Но сыграл авторитет старшего. И в море полетело самое уникальное из найденного – изумрудный, фиолетовый с белыми прожилками камень и другой, необычного жёлтого цвета. После чего я дулась на деда почти всю дорогу до дома. А он делал вид, что не замечает, и как ни в чём не бывало рассказывал о своей работе на геологической базе Академии наук, что-то про магнито-гидродинамические генераторы и исследования земной коры, и своё железное сердце на Муста-Тунтури. И вот я сама не заметила, как перестала изображать, что мне неинтересно, и открыла от удивления и восторга рот.

– Гляди-ка, это сейд! – сказал дед.

– Где? Где, дедушка?

– Да вот же! Стоит один-одинёшенек.

– Этот?

– Этот-этот. Присмотрись к его основанию.

– Он висит, деда! Парит в воздухе!

– Нет, дурёха. Давай подойдём поближе, я тебе покажу.

Я и думать забыла о своих горестях, когда мы подошли к громадному валуну, ростом как два деда, который, точно заговорённый, возрос к небу, стоя на одном лишь маленьком каменном пригорке. Место его соприкосновения с землёй можно было обхватить, соединив большие и средние пальцы рук в кольцо. Само же природное изваяние было не только высоким, но и широким. Всё в дождевых потёках, мхах и лишайнике. Летучий камень тундры не боялся наших ветров, что сбивали порой меня с ног. И лишь самые суровые зимние вьюги отпечатались на нём пощёчинами.

– Когда умирает саамский колдун, он превращается вот в такой камень.

– А-а-а, – обомлела я.

– Этот, как видишь, был невероятно могуществен.

– И как мы раньше его не заметили, дедушка...

– Колдун ведь. Чужим никогда не откроется. А ты морю нашему сокровища вернула, так он теперь знает, что ты своя.

– Значит, передо мной теперь все-все колдуны предстанут?

– Предстанут, – засмеялся дед, – эту честь ещё заслужить надо.

И вдруг он спросил серьёзно:

– Который час? Нам до Зубовки ещё добираться. До темноты надо успеть, сама знаешь.

– Три пятнадцать, – и я показала ему свои наручные часы на всякий случай.

– На аэродром уже не поедём, домой пора.

Когда дедушка говорил таким задумчивым голосом и будто ставил невидимые точки-подтверждения в конце каждой фразы, я молча выполняла наказ. Значит, дело нештучное и деду не до вопросов.

Смеркалось у нас рано, белые ночи кончились, а полярная ещё не наступила. Кругом щедрая тундра, холмы, слоистые отвесные скалы, сосны и эхо. Порой кажется, что нет тут места человеку. Особенно когда стоишь на огромном покатом валуне на берегу моря. Волны и северный ветер своим могуществом показывают, что ты лишь беспомощная маленькая рыбка. И чайки чувствуют это. Кружат над тобой и грозятся яростным кличем.

Именно ощущение своей беспомощности и беззащитности пред этим краем и делает его поистине прекрасным. Даже будучи в ловушке, побеждённым, обезоруженным, человек не перестаёт восхищаться этим величием. Стремительно, но отчётливо проносится в голове шальная мысль, что о такой смерти ты не пожалеешь. Здесь любой готов покориться. И чайки... Они разнесут останки по всему северу. И ты навсегда останешься на родной земле, будешь частью этой мощи.

И вот ты стоишь за ледяной решёткой из сосулек в прибрежной пещере во время прилива. Вода всё ближе, а ты судорожно дышишь на плотный прозрачный лёд и подбиваешь его карманным ножом, чтобы сделать зацепки и выбраться из этой тюрьмы. А в голове раскатами уже торжествует победа природы. Ты продолжаешь барахтаться меж сосулек по колено в воде. Готовая

умереть и воскреснуть одновременно.

Буйство дикой северной природы скрывает в себе и временные петли. Эхо войны редко бывает настолько отчётливым. На Муста-Тунтури бой будто бы завершился только вчера. Этот перевал всё ещё содрогается от разрывающихся в долине бомб. Кровь здесь пропитала чёрные скалы. Кажется, что только что храбрые солдаты вылезли из окопов и подбросили в воздух свои каски. Они упали на колени и зарыдали от радости среди смолкших пушек, изувеченных тел, осколков снарядов, ошмётков плоти и разбросанных взрывами камней. Такой была для них победа.

Каждый год мы с дедушкой приходили сюда. Каждый год он вставал на колени и молча плакал. И всегда при нас были цветы и благодарность. Мы опускали слово «спасибо» и красные гвоздики к ногам храбрых, оставляя у памятника. А потом, оборачиваясь, без конца шли обратно под раскаты подорванных на учениях снарядов.

– Они заслужили тишину, – шептал дед себе под нос.

«Они заслужили тишину», – думала я.

И вот теперь, когда я стояла на палубе необъятного морского судна, у меня всё никак не получалось вспомнить привычные в то детское время черты лица и морщины деда, излучающие добродушие. А непостижимые пейзажи

Русского Севера являлись в воспоминаниях лишь под завесой густого тумана. Паром уносил меня вдаль уже по совершенно иному, непознанному и пока непонятному, океану, где всё было по-другому.

Ариадна ЭЙЗЕНХАРТ

в 2017 году оставила привычную жизнь в Петербурге,

отправившись в странствие по России и миру,

чтобы созерцать жизнь и писать истории.

*Победитель в номинации «Симпатии жюри» в конкурсе
питчингов литературно-издательского форума «Авторизация»-2018.*

Финалист международных конкурсов «Славянское слово»-2019,

«Тёплые коты»-2020,

«Десятая планета»-2020.

В журнале «Север» публикуется впервые.

